Роуз лежала на неудобной больничной койке и в разочаровании смотрела в окно. Хотя она хотела помочь Стиву продолжить его миссию против Гидры, он и практически все остальные заставили ее сесть на самолет, который доставил ее обратно в Штаты. Они сказали, что ей нужна надлежащая медицинская помощь. Месяцы пыток и голода наложили свой отпечаток на ее тело, и хотя она обладала впечатляющими способностями к исцелению благодаря сыворотке, она все еще была в плохой форме. Поэтому, как бы она ни старалась отказаться, в итоге она так и осталась лежать в этой ужасной кровати, глядя на яблоню во дворе и чувствуя себя совершенно бесполезной.

И это не единственное, что она чувствовала. Ее переполняло такое чувство вины, что она едва могла функционировать. Это была ее вина. Баки был мертв, и это была ее вина. После того, как им удалось остановить поезд и задержать Золу, Роуз ругала Стива. Она кричала на него, обрушивая на него свой гнев, переполненная множеством переполнявших ее эмоций. Одна из них в тот момент перевесила все остальные. Она была так зла на Стива. Она кричала на него, требуя знать, почему он решил преследовать ее. Они спасли жизнь Роуз в обмен на жизнь Баки, и для Роуз этот обмен был неравноценным. Все, что она сделала, было сделано для того, чтобы Баки был в безопасности. Она с радостью встретила бы любое будущее, которое приготовил для нее Шмидт, лишь бы Баки был в безопасности. Она кричала, пока крики не перешли в рыдания, а гнев внутри нее не сменился всепоглощающим чувством вины.

И вот она лежала... с чувством вины, беспомощная и одинокая. Медсестры, которые пытались ухаживать за ней, стали приходить реже, так как Роуз срывалась на них каждый раз, когда кто-то делал что-то обыденное, например, проверял ее пульс. Она кричала, что с ней все в порядке, пока они снова не покидали ее палату, оставляя ее погруженной в свои мысли.

Ее мысли стали перемещаться к брату и остальным, и ей было интересно, что они делают в этот момент. Она получила сообщение от Пегги, что они будут вести бой на базе гидры, местоположение которой она им указала, сообщив, что сообщит ей новости, как только сможет. Это было несколько часов назад. Больше всего на свете ей хотелось оказаться там, а не торчать в больничной палате. Она вздохнула и в расстройстве провела пальцами по белым волосам. Когда она впервые взглянула на свое отражение в зеркале в ванной после того, как сыворотка изменила ее внешность, она была, мягко говоря, поражена. Хотя ее изменения не были столь радикальными, как у Стива, она все равно была застигнута врасплох тем, насколько по-другому она выглядит. Она смотрела на свои голубые глаза и белые волосы и не могла отделаться от ощущения, что смотрит на лицо незнакомца. Она не была уверена, что когда-нибудь привыкнет к этим изменениям.

Вдруг телефон рядом с ней издал пронзительный звонок, вырвав Розу из раздумий. Она быстро взяла трубку и поднесла ее к уху, прежде чем она успела зазвонить во второй раз. "Алло?!" - почти прокричала она в трубку.

"Роза?" - раздался голос Пегги. Но что-то в нем было не так. Он был наполнен эмоциями, и у Роуз свело живот, когда она поняла, что что-то не так.

"Что случилось? Что случилось?!" - кричала она.

"Это Стив". сказала она, и Роуз готова была поклясться, что в ее голосе слышались слезы. Она крепче сжала трубку, ее тело похолодело. "Он остановил Шмидта, но...", - начала она объяснять, пока ее голос не прервался.

"Нет." сказала Роза, обильно покачивая головой.

"Он пытался остановить самолет, начиненный бомбами. Он... он должен был сбить его в Атлантике, чтобы остановить его". Пегги закончила объяснять. "Его больше нет".

Если Пегги и говорила что-то еще, Роуз не слышала. Телефон выскользнул из ее рук и упал на колени, пока она переваривала слова Пегги. Его больше нет. Ее брата больше нет. Она потеряла Сару. Она потеряла Абрахама. Она потеряла Баки. А теперь она потеряла Стива. Она потеряла всех. Она была абсолютно и полностью одинока. Ее дыхание стало учащенным, а мир вокруг нее рушился. Подключенное к ее телу оборудование, считывающее ее жизненные показатели, начало громко пищать рядом с ней, наполняя комнату своим пронзительным, настойчивым гудком.

Роза схватилась за голову, когда мысли начали выходить из-под контроля. Одиночество. Одно это слово эхом отдавалось в ее голове, наполняя ее чувством, которого она никогда раньше не испытывала. Как будто в центре ее груди, там, где должно было быть сердце, образовалась яма. Холодная, пустая яма, которая затягивала ее все глубже и глубже, чем больше одно слово эхом отдавалось в ее голове. Все, кого она любила, ушли, и она осталась одна.

Роуз не обратила внимания на массу медсестер, вбежавших в палату, и не слышала их панических вопросов к ней, когда они наблюдали за тем, как ее жизненные показатели подскакивают до опасного уровня. Единственное, что она осознавала, - это растущую яму внутри себя. Внезапно, словно спичка, брошенная в бочку с катализатором, эта яма превратилась в бассейн чистой ярости. Она горела в ней так жарко, что она была уверена, что ее кожа отслоится от ее интенсивности. Ярость заполнила ее и овладела ее телом, пока она не испустила самый громкий, самый полный боли крик, который она когда-либо слышала от человека. Эта ярость вырвалась наружу мощным взрывом энергии, который пронесся по больничной палате, уничтожая всех и вся на своем пути.

Взрыв ослепительной голубой энергии взорвался, как бомба, в результате чего все вокруг палаты Роуз окуталось сине-красными вихрями, а кислородные баллоны и другие легковоспламеняющиеся материалы загорелись, в результате чего все крыло больницы было быстро охвачено пламенем. Аварийные системы сработали, заливая растущее пламя, а медсестры, врачи и пациенты кричали от ужаса.

Роуз оглядела окружающие ее обломки, вокруг полыхало пламя, и застыла на месте. Она оглядела ущерб, который невольно причинила, и в ней поднялась паника. Она заметила руку, выглядывающую из-под обломков справа от нее, и заставила себя действовать. Она бросилась к ней, проползла через то, что осталось от разрушенной комнаты. Она начала срывать с человека груды бетона, металла и прочего, неистово копаясь в обломках. Подняв один особенно большой кусок, она замерла: перед ней открылось лицо медсестры. Ужасное, изуродованное и окровавленное лицо безжизненно смотрело на Розу. Это была медсестра, которая в последний раз пыталась измерить ее жизненные показатели, и Роуз в ужасе отпрянула от нее. Она оглядела разрушения, которые она причинила, и поняла, что она была не единственной жертвой.

Паника и страх. Только эти две эмоции заполнили разум Роуз. Она вскочила на ноги и, спотыкаясь, бросилась через обломки, внезапно охваченная желанием убежать. Беги, кричали ей внутренности. И она так и сделала. Роза побежала. Она бежала так быстро и далеко, как только могла, когда позади нее завыли сирены, а в воздухе все еще слышались крики.

Роза не знала, сколько она бежала и как долго. Она бежала до тех пор, пока не смогла бежать дальше и не рухнула под мостом автострады, мир вокруг нее потемнел вместе с ночным небом. Роуз упала на колени на грубую грязь, к счастью, вдали от всех людей, прежде чем позволила

себе почувствовать что-то, кроме паники. Слезы начали течь по ее щекам, когда боль от всего происходящего овладела ею. Она посмотрела на свои трясущиеся руки и издала еще один крик. Крик, полный гнева. Сначала Баки, потом все эти невинные люди в больнице. Шмидт был прав: Роуз была оружием, причем опасным. Она посмотрела со своих рук на черное небо над головой. "ПОЧЕМУ!?" - кричала она Богу. "ПОЧЕМУ ТЫ СДЕЛАЛ ЭТО СО МНОЙ!?"

Прошло несколько дней, прежде чем у Роуз хватило силы воли уйти из-под моста. Долгое время она просто сидела на месте, так как тяжесть всего произошедшего была слишком велика для нее. Она сидела, уставившись невидящим взглядом в землю, а мир продолжал двигаться вокруг нее, не осознавая, насколько разбитой она себя чувствует. На четвертый день, когда вокруг полил сильный дождь, она поднялась и пошла сквозь бурю, не зная, куда идти.

В конце концов, она наткнулась на телефонную будку, освещенную уличным фонарем. Она подошла к ней и скользнула внутрь. Она даже не понимала, что делает. Она двигалась на автопилоте, и казалось, что ее пальцы нажимают на кнопки, а голова не понимает, что они делают. Она услышала, как несколько раз звякнула телефонная трубка, прежде чем мужчина ответил на ее звонок.

"Алло?" спросил знакомый голос.

Разум Роуз наконец-то догнал ее тело, и слезы покатились по ее уже взмокшим щекам, когда она услышала мужской голос. "Говард?" - прохрипела она в трубку. По правде говоря, она не знала, почему позвонила ему. Ей просто нужен был кто-то.

"Роуз?!" - раздался обеспокоенный голос Говарда. "Боже мой! Мы так волновались! После взрыва в больнице мы все думали о худшем! Где ты, черт возьми?!" - торопливо позвал он по телефону.

"Я..." начала она, оглядывая окружающую обстановку. "Я не знаю." сказала она ему. "Больница...." начала она. "О Боже, Говард, я не хотела, клянусь! Это был несчастный случай!" - всхлипывала она.

"Что значит, ты не..." начал Говард, прежде чем его осенило. "Роуз, где ты? Я иду за тобой". Он сказал серьезно.

Роуз опустила взгляд на телефонную книгу, висевшую на стенде, и увидела название города, напечатанное на обложке. "Хадсон". сказала она Говарду. "Я в Хадсоне. Я не знаю где. Я в телефонной будке".

"Просто стой там. Я уже иду, слышишь меня?!" - сказал он.

"Хорошо." сказала она, услышав щелчок на линии. Она положила телефон обратно на подставку, затем открыла дверь и вышла обратно под дождь. Она увидела небольшую скамейку на другой стороне дороги, подошла к ней и села. Она не знала, сколько времени просидела под ледяным дождем, но все, что она знала, это то, что в одну минуту она безучастно смотрела на растущую лужу у своих ног, а в следующую машина подъехала к обочине, и открывшаяся дверь отвлекла ее внимание от воды.

Она смотрела, как Говард выходит из машины, держа над головой зонтик. Он начал приближаться к ней, прежде чем она в панике вскинула руку, чтобы остановить его. "СТОП!" - крикнула она. "Просто отойдите!" - сказала она ему, испугавшись, что может причинить боль и ему.

Говард остановился, обеспокоенно глядя на Роуз. Когда она стояла и смотрела на него широкими, испуганными глазами, он не мог не смотреть на ее промокшую форму и не думать о том, как ужасно она выглядит. Это было все равно, что смотреть на призрак самой себя. "Господи, Роуз". прошептал он про себя.

"Сколько?" - спросила она его.

"Сколько чего?" - переспросил он в замешательстве.

"Скольким людям я причинила боль в больнице?" - спросила она, перефразировав свой вопрос, чтобы он лучше понял.

"О." Он сказал. "Слушай, почему бы тебе не сесть в машину, и мы сможем поговорить". Он начал, пытаясь вытащить ее из ледяного дождя.

"Сколько!?" - снова закричала она.

Говард сглотнул, не желая расстраивать ее еще больше, чем она уже расстроилась, но и зная, что не может ей солгать. "Двадцать погибших и еще тридцать раненых". сказал он ей. "Они думали, что это была какая-то утечка газа".

Сердце Роуз упало. Она снова посмотрела вниз на свои руки, свежие слезы смешивались с падающим дождем. "Я чудовище". сказала она, снова подняв на него глаза. "Говард собирается бросить меня в клетку. Или, что еще хуже, Гидра снова найдет меня... Я... я не знаю, что делать". Она сказала, паника в ней снова нарастала, заставляя ее снова хотеть бежать. "Говард, я... я так боюсь себя". призналась она со всхлипом.

Сердце Говарда разрывалось, когда он смотрел, как некогда сильная женщина перед ним разлетается на куски. Он бросился вперед, несмотря на ее протесты, и обхватил руками ее промокшее, замерзшее и дрожащее тело. "Все будет хорошо, Роуз". сказал он ей. "Я обещаю".

http://tl.rulate.ru/book/64265/1705052